

Это был первый раз, когда Тан Хуай открыто — без единой маскировки — показал перед Сун Цинсюем свою жажду обладания.

В ту секунду, когда Тан Хуай договорил, чёрное стекло за ними вдруг распахнулось.

Перепуганные лица Ли Сичэня и остальных ворвались в поле зрения и разом смели всю повисшую в воздухе двусмысленность.

Тан Хуай перестал притворяться, и Ли Сичэнь тут же утащил Сун Цинсюя к себе — для моральной поддержки. До самого выхода из квест-рума у них так и не появилось возможности поговорить наедине.

Когда они вернулись домой, Тан Хуай тоже не поднял эту тему. Сун Цинсюй не мог прочесть его отношение — и спрятал те слова в глубину сердца, не спрашивая больше.

Каникулы закончились мгновенно. Четвёртого числа, после обеда, весь состав WS собрался на базе.

Сун Цинсюй и Тан Хуай вошли одновременно — и как раз застали Цинь Чжэна, раздающего подарки.

Родители Цинь Чжэна держали сувенирную лавку и накрутили целую кучу поделок по мотивам местных памятников — передали ему с собой.

Сун Цинсюю достался целый пакет: значки, закладки, кошелёк, амулет удачи.

Он покопался и выудил красный зажим. Волосы отросли, чёлка лезла в глаза, а до парикмахера руки не доходили. Зажим — идеально.

Он прицепил его себе на голову — и тут же рядом раздалось:

Щёлк.

Сун Цинсюй растерянно обернулся. Тан Хуай стоял с телефоном наведённым на него.

Щёлк.

Ещё кадр.

Не успел Сун Цинсюй и рта открыть, как подлетел Вэнь Лихуа и повис на его плече:

— Вы фоткаетесь? Я тоже хочу!

Цинь Чжэн:

— Фоткаемся? Ну, я тоже. Заодно покажу — бицепс ещё подрос. Буду суперфотогеничным.

Сун Цинсюй с любопытством посмотрел на его руку, которая была уже, кажется, толще его собственного бедра:

— А ты левой рукой можешь дотянуться до правого уха?

Цинь Чжэн самоуверенно улыбнулся:

— Ещё бы!

Он потянулся левой рукой вправо. Раздутый бицепс выпер из рукава футболки красивой дугой; монументальная грудная мышца встала стеной — и остановила его руку в нескольких сантиметрах от правого уха.

Как ни тянулся — не доставал.

Цинь Чжэн:

Му Ичэнь утешительно похлопал его по плечу:

— Ничего. За всё приходится платить. Перекачался — бывает. Зато ты же собой доволен?

«Перекачался» — эхом загудело у Цинь Чжэна в голове.

Глядя на его постепенно стекленеющий взгляд, Сун Цинсюй не выдержал и тихо рассмеялся.

Тан Хуай перевёл глаза с Сун Цинсюя на Цинь Чжэна и обратно. Холодно:

— Мы фотографируемся или нет?

— Да-да-да! — Вэнь Лихуа обнял Сун Цинсюя за шею. — Считаю до трёх — снимай!

Му Ичэнь подтащил впавшего в экзистенциальный кризис Цинь Чжэна и поставил за спиной Сун Цинсюя.

Сун Цинсуй плавно повернулся к камере и медленно улыбнулся.

Тан Хуай выстроил кадр так, чтобы Сун Цинсуй оказался ровно в центре. Одну руку он вытянул перед объективом — «V» — и нажал кнопку.

Вэнь Лихуа первым рванулся посмотреть. Тан Хуай не хотел давать ему свой телефон — и просто скинул фото в групповой чат.

Вэнь Лихуа не почувствовал подвоха и открыл фото в чате.

На снимке Сун Цинсуй — в самом центре, в окружении всех — с безупречным лицом и улыбкой, от которой перехватывало дыхание. Остальные: кто моргнул, кто скорчил странную гримасу.

Вэнь Лихуа:

—Тан Хуай, ты ужасно снимаешь.

Му Ичэнь:

— Не то чтобы ужасно. Просто мы не такие красивые, как брат Сун. Посмотри — он-то отлично получился.

Вэнь Лихуа:

— Нет, мне реально интересно: у брата Суна вообще бывают плохие фото?

Сун Цинсуй тоже признал, что остальные вышли не лучшим образом:

— Некрасивых фото нет, но тут и правда Тан Хуай плохо снял.

Тан Хуай:

— Угу. Техника подвела.

Ледяной тон заставил Сун Цинсюя мгновенно насторожиться. Ему показалось — Тан Хуай злится.

Он оглянулся на остальных — ни у кого на лице ничего необычного.

Может, ему показалось?

Он снова посмотрел на Тан Хуая — тот уже подхватил свои вещи и ушёл.

Сун Цинсуй подумал и решил спросить самого вменяемого человека в команде.

Отвёл Му Ичэня в сторону. Убедился, что никто не слышит:

— Тебе не показалось, что Тан Хуай... расстроился?

Му Ичэнь быстро моргнул, прокрутил в голове последнюю сцену:

— Вроде нет? Он же всегда такой.

Всегда такой? Ничего подобного. Тан Хуай при чужих бывал холодноват, но когда не злился, так не разговаривал — не обрубал фразу, не давая подхватить.

Му Ичэнь видел, как на лице Сун Цинсуя сменяются эмоции:

— А тебе кажется, что он расстроился?

Сун Цинсуй прикусил губу:

— Просто чувство. Может, ошибаюсь.

Му Ичэнь улыбнулся:

— Тогда, скорее всего, ты прав.

Сун Цинсуй удивлённо на него посмотрел:

— Почему ты так решил?

— Вы знакомы давно, правда? Ты его хорошо знаешь. А интуиция у людей, хорошо знающих друг друга, обычно не врёт.

Хорошо знает? Правда?

Сун Цинсуй мысленно прикинул: они были одноклассниками меньше семестра. Он был у Тан

Хуая дома — в городе S и в Шанхае. Плюс провёл с ним некоторые... специфические социально-физиологические исследования.

И это считается «хорошо знает»?

Му Ичэнь похлопал его по плечу:

— К тому же я верю твоей интуиции. На матчах ты ведь почти всегда угадываешь?

— Матч — это другое...

— В матче десять человек одновременно, и ты предсказываешь их действия с высокой точностью. С одним Тан Хуаем — точность должна быть ещё выше, разве нет?

Логика Му Ичэня — странная, но убедительная. Сун Цинсуй задумался, потом бросил:

— Я тоже наверх.

Глядя ему вслед, Му Ичэнь приподнял бровь.

Дверь в комнату Тан Хуая была открыта. Он менял постельное бельё. Сун Цинсуй стоял в дверном проёме, не решаясь войти.

Его пристальный взгляд буквально прилип к высокой худощавой спине.

Сун Цинсуй заметил: Тан Хуай, кажется, похудел с тех пор, как пришёл в WS. Они же всё время ели вместе — не то чтобы он мало ел. Почему тогда?

Пока он витал в облаках, Тан Хуай вдруг повернулся:

— Чего стоишь? Заходи.

Сун Цинсуй ощутил себя пойманным за подглядыванием. Неловко кашлянул:

— У тебя от белья пыль летит.

Тан Хуай бросил снятое бельё на стул:

— Уже не летит. Заходи.

— А, ладно.

Сун Цинсуй вошёл. Помедлил — и всё-таки закрыл за собой дверь.

На стуле лежало бельё, так что сесть можно было только на кровать.

Матрасы на базе закупал Чжан Чжиян: все одинаковые. Раньше Сун Цинсуй не замечал разницы, но стоило ему сесть — и он мгновенно ощутил: этот матрас намного хуже, чем тот, что у Тан Хуая дома.

Он надавил ладонью, наблюдая, как матрас медленно возвращает форму. В голове крутилось: может, купить ему другой?

Тан Хуай не понял, что Сун Цинсуй делает, но не стал мешать. Сел на расстоянии вытянутой руки и молча ждал.

Прошла долгая пауза.

— Тан Хуай...

— Ты...

Тан Хуай выдохнул:

— Ты первый.

Глаза Сун Цинсюя блестели. Он не отводил взгляда:

— Давай я тебе новый матрас куплю?

Тан Хуай:

— Ты пришёл ради этого?

Сун Цинсуй:

— Просто хотел поведать. Мне показалось, ты похудел. Сегодня тётушка наготовит кучу всего — ешь побольше.

Под этим прямым, искренним взглядом у Тан Хуая дрогнул кадык. Глаза стали непривычно незащищенными.

— Ты считаешь, что у меня фигура хуже, чем у Цинь Чжэна?

Тан Хуай приподнял край футболки. Шесть идеально прорисованных кубиков пресса отразились в глазах Сун Цинсюя.

— Мое тело — правда так плохо?

Тан Хуай смотрел вниз.

Сун Цинсюй: !!

Он всегда знал, что у Тан Хуая хорошая фигура. Но раньше не разглядывал. Теперь, когда ему выдалась возможность, — его взгляд приклеился намертво.

Прошло несколько десятков секунд, прежде чем он, будто спохватившись, ответил:

— Нет, нормальная. Хорошая фигура.

Тан Хуай опустил футболку. Тихо:

— Тогда почему ты всё время смотрел на Цинь Чжэна? Я подумал — тебе нравится его тело.

Сун Цинсюй посмотрел на него:

— Когда я на него «всё время смотрел»? Зато ты внизу вдруг начал фотографировать, а потом разозлился и ушёл. Ты странный.

Тан Хуай:

— Пусть странный. Но, А-Сюй, если хочешь смотреть на мышцы — смотри на мои. Не на Цинь Чжэна. Можно?

Он взял руку Сун Цинсюя и, прижав сквозь ткань, положил себе на пресс.

— Мои — не только можно смотреть. Можно и трогать.

Сун Цинсюй резко втянул воздух. Жар от твёрдых мышц просочился сквозь ткань прямо в ладонь. Пальцы непроизвольно сжались — и мышцы мгновенно напряглись.

Сун Цинсюй сглотнул. Поднял глаза — снизу вверх — на Тан Хуая.

В тёмных зрачках Тан Хуая — только его отражение.

Больше ничего.

Тан Хуай сидел на прежнем месте. Даже хватку на его запястье ослабил.

Сейчас ладонь Сун Цинсюя лежала на его прессе полностью добровольно.

Тан Хуай просто смотрел на него. Ждал — пока тот приблизится сам.

И Сун Цинсюй почувствовал: внутри поднимается неудержимый порыв. Он — как магнит — тянул его вперёд, сокращая расстояние.

Чем ближе — тем отчётливее запах Тан Хуая.

Тот же самый. Тот же парфюм, который Сун Цинсюй видел у него дома.

Он думал, что чужой парфюм ему не подойдёт. Оказалось — подходит.

Пальцы Сун Цинсюя сжали ворот на груди Тан Хуая. Сантиметр за сантиметром — стянули, заставив его голову наклониться.

Сун Цинсюй облизнул необъяснимо пересохшие губы и с лукавой улыбкой спросил:

— Тан Хуай, я ведь и раньше мог трогать твой пресс. Правда?

Голос Тан Хуая — чуть хриплый:

— Угу. Можешь.

— И вообще, я смотрю на кого хочу. Почему ты запрещаешь мне смотреть на Цинь Чжэна? Ты что...

— ...ревнуешь?

<http://bllate.org/book/18105/1736438>